

- Троицкий вариант — Наука - <http://trv-science.ru> -

Четверги с чесночком

Posted By *editor* On 21.04.2015 @ 9:00 In Страницы истории | [4 Comments](#)Эдуард
Трифонов

Вспоминая о Хроме (Валерии Ивановиче Иванове, 1939–2012), недостаточно сказать, что это автор (и соавтор) классических работ по структуре и биофизике ДНК. Ведь он был еще и замечательно веселым и остроумным человеком. Многие его за это любили, а некоторые — избегали...

Максим
Франк-
Каменецкий

Начало

В 1964 году, когда эпоха Лысенко уже сходила на нет, но стукачества еще никто не отменял, рисковый и озорной Хром и его жена Люда Минченкова, с похожим, конечно, характером, отважились проводить у себя дома научно-дружественные семинары-четверги. Друзья приходили с пивом, а Люда жарила ржаные сухарики, натертые чесночком. И в ожидании доклада шел как бы непринужденный разговор на темы дня (все-таки это всегда было опасно), тоже с чесночком.

Прежде всего там были друзья и коллеги. Например, братья Маленковы (никакой политики!), Анатолий Жаботинский, Андрей Кузнецов, Лев Ягужинский, Виген Геодакян, Анатолий Ванин и оба автора этих заметок — Максим с самого начала, а Эдуард на пару лет позже. О чем только ни говорили: об эволюции и происхождении человека, о соотношении полов, часто обсуждали также колебательные химические и биохимические процессы в связи со ставшей впоследствии всемирно знаменитой реакцией Белоусова — Жаботинского. Ну и конечно, главной темой была биофизика ДНК, то, что больше все-го интересовало и Хрома, и авторов этих строк.

Валерий Иванов (Хром) в Институте молекулярной биологии, 1970 год

Э.Т. : С Максимом и с Хромом мы близко знакомы с 1965-го. Воспитанная советской властью осторожность (и мой отец Григорий Юрьевич Мачулан, и отчим Николай Николаевич Трифонов были репрессированы: расстрел и десять лет соответственно) не позволяла сразу доверять и раскрываться, каким бы симпатичным человек ни казался. На четвергах я был приветливо-немногословным, «не доверял». И какой же гордостью я проникся уже в Израиле, когда узнал, что Валера, рискуя собственной карьерой, решительно становился на защиту отъезжающих евреев. Горько мне было, что я уехал с кусочком недоверия к этому отважному человеку.

Сегодня можно открыто гордиться участием в хромовских четвергах, а тогда это было на грани опасности.

М.Ф. -К.: У меня был совсем другой жизненный опыт, чем у Эдика, более близкий к жизненному опыту Хрома: мы оба из благополучных, даже привилегированных семей. Мой отец был не только крупнейшим ученым, но и одной из ключевых фигур в советском атомном проекте. Наша семья восемь лет провела в Сарове, в «зоне» (так это действительно называлось), но внутри этой зоны не морили голодом и непосильным трудом, а создавали комфортные условия для жизни и работы ведущих физиков и их семей. Как пишет в своих воспоминаниях А. Д. Сахаров (который жил с семьей на объекте в соседнем с нами коттедже), в окружающих зону деревянях голодающие в скудные послевоенные годы крестьяне считали, что в зоне идет эксперимент с целью выяснить, сможет ли советский человек выжить при коммунизме, при полном изобилии.

Отец Хрома был дипломатом, послом в Монголии, и Хром провел детство в советском посольстве в Улан-Баторе. Я бывал на квартире их семьи, пока еще была жива мать Хрома. Это производило впечатление: большая квартира на Тверской, сразу за углом от метро «Маяковская». Но, пожившись, Хром с Людой стали жить в малюсенькой квартирке в хрущевском доме у метро «Новые Черемушки». Там и проходили четверги. Народу набивалось битком, на окно навешивалась маленькая доска, покрытая линолеумом: на ней мелом рисовал или писал формулы докладчик.

Так вот, мы с Хромом совсем не испытывали того страха, который испытывал Эдик. Нам не приходило в голову, что наши сходки могут быть опасны. Но вот как-то Хром или кто-то еще привел на семинар А.А. Малиновского, человека старшего поколения. Нам он был известен главным образом тем, что перевел сразу после войны на русский знаменитую книгу Шрёдингера «Что такое жизнь?». Книга была почти сразу запрещена и изъята из всех библиотек. Но она сохранилась у тех, кто успел ее купить, и, конечно, мы все ее читали и на всех нас она оказала громадное влияние. Поэтому познакомиться с Малиновским было всем очень приятно. Малиновский посидел с нами, а потом отвел Хрома на кухню и сказал: «Вы что, с ума сошли?! Немедленно прекращайте ваш семинар! Да вас же посадят!» Хром рассказал мне о реакции Малиновского, и мы с ним сошлись на том, что Малиновский запуган со сталинских времен и что теперь всё по-другому. Малиновский больше не появлялся, а четверги продолжались в том же формате.

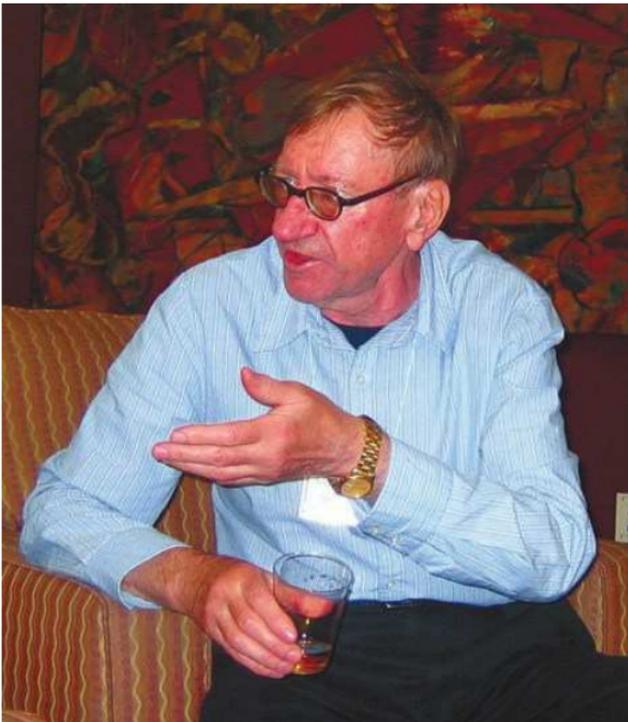
Надо сказать, что для всех участников четверги у Хрома и Люды были настоящим праздником. Я пишу эти строки, находясь в Израиле, и мне вдруг пришло в голову, что в этой традиции было что-то от иудейской традиции шаббата. Подобно верующим иудеям, мы собирались на праздничную трапезу раз в неделю вечером после захода солнца и говорили об объекте нашего поклонения. Но если по субботам верующие иудеи поклонялись и поклоняются, при всем моем к ним уважении, некоему фантому, то предмет нашего поклонения — наука — без сомнения, заслуживал и заслуживает такого к нему отношения. Все мы были очень молоды, и всем нам надо было найти свое место в науке, которой мы решили себя посвятить, — новой биофизике, возникшей после открытия структуры ДНК. Никто не мог указать путь, мы должны были сделать это сами, и семинар Хрома сыграл очень важную роль.

Смешной человек Хром

Со слов Льва Абрамовича Тумермана, первого шефа Хрома после окончания МГУ, Валерка — замечательный человек. Скажешь ему: «Слушай, Валерка, давай сберкассу ограбим!» — а он (чуть-чуть подумав): «Отличная идея! Представляете: они приходят, а денег нету!»

Множественно рассказанная история: звонят в лабораторию и спрашивают Алексея Николаевича. Валера отвечает: «Вы ошиблись. Тут таких нет». Но звонят опять и опять. И тогда Хром говорит: «Алексея Николаевича сейчас нет. Они с Леонидом Ильичом обсуждают, как быть с Николаем Викторовичем».

Больше не звонили. (А.Н., Л.И. и Н.В. соответственно Косыгин, Брежнев и Подгорный, тогдашние высшие советские чины.)

Во время конференции по биомолекулярной стереодинамике в Олбани (штат Нью-Йорк) в июне 2007 года. Это последняя из конференций в Олбани, в которой Хром смог принять участие. Впервые на конференциях в Олбани (которые продолжают проводиться по нечетным годам и сейчас) Хром побывал в 1983 году

Э.Т.: В 1983 году Хром впервые вырвался в Штаты, на конференцию в Олбани. С ним и с Витей Журкиным с помощью Лордис, жены Собеля, мы увильнули от присмотра (советская группа приехала с «хвостом») и поехали на Ниагарский водопад. Там можно спуститься под самые струи. Нам выдали плащи и резиновые сапоги, и я посоветовал Валере заправить брюки в сапоги. Почему-то он отказался. Внизу под грохот, с видом на канадский берег мы выпили и закусили. Хрому эта затея очень понравилась. А наверху, на выходе из раздевалки, я его спросил:

— А почему у тебя штаны мокрые?

— А я... протёк.

— А почему ниже колен?

— А он у меня длинный.

— Но почему же обе штанины?

— А у меня их два.

Смех у него был свой, запоминающийся и приглашающий.

После моего отъезда в Израиль в 1976-м я не писал друзьям в Россию, у них были бы неприятности. Однако я посылал открытки-запросы на реальные статьи от имени некоего Боцмана (см. ниже). Дескать, «знаю, читаю, обнимаю».

Но однажды мне как-то удалось переслать мои армейские фотографии (служил я всего около года, но все-таки). Валера идет по институтскому коридору и всем своим показывает «израильского агрессора». Но тут появляется тот самый «хвост»:

— Что это ты всем показываешь?

— Да так, тебе неинтересно. Семейные фотографии, разные беби.

М.Ф. -К.: Хром любил напевать песенку, которую он сочинил еще в студенческие годы на известную мелодию из 9-й симфонии Бетховена, ставшую гимном Евросоюза:

Оттого, что Готвальд гений,

*Жаботинский занемог.
Оттого, что гений Готвальд,
Тинижабский спа-а-ать не мог.*

Мало кто помнит теперь, что Готвальд был чехословацким правителем при Сталине. Его гениальность состояла в том, что после похорон тирана, вернувшись домой в Прагу, он так и не смог совладать с горем, занемог и через два дня преставился, за что удостоился мавзолея, правда ненадолго. Ну а Толя Жаботинский (соавтор ныне знаменитой реакции Белоусова — Жаботинского), которого Хром звал не иначе как Жаба, был приятелем Хрома со времени их учебы на кафедре Блюма, как все называли Льва Александровича Блюменфельда. Я познакомился, а потом и подружился с Толей не только благодаря четвергам, но и из-за моего отца, который помимо прочего был крупнейшим в мире экспертом по колебательным химическим процессам. Толя бывал у нас дома, советуясь с отцом по поводу своей работы по изучению реакции Белоусова. Впоследствии мы оба (Толя и я) почти одновременно переместились в Бостон — он в Университет Брандейса, я в Бостонский университет. Наша дружба продолжалась до самой смерти Толи в 2008 году. Что касается песенки, то она весьма прилипчива. Я часто ловлю себя на том, что напеваю ее.

Звенья преемственности

Никто не оказал такого сильного влияния на Хрома, как Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, знаменитый Зубр. Еще студентом кафедры биофизики физфака МГУ Хром стал каждое лето ездить, как и некоторые другие студенты кафедры Блюменфельда, в Миасово на Урале, где в то время жил Тимофеев, уже освобожденный из заключения, но еще не получивший разрешения появляться в Москве. Это Тимофеев придумал Хрому его прозвище: назвал его «хромосомой», потому что Хром был длинный, тощий и гибкий. Уже потом произошло сокращение до Хрома. Для многих Тимофеев был в те годы недостающим звеном, живым реликтом, связывавшим великую генетику начала XX века с новой биологией, которую новое поколение, проходившее в школе лысенковскую версию науки о наследственности, должно было создавать на одной шестой части суши. Хром буквально боготворил Тимофеева. Переместившись поближе к Москве, в Обнинск, Тимофеев стал часто появляться на семинарах и школах, в особенности на знаменитых Зимних школах по молекулярной биологии в Дубне, а затем в Звенигороде. Так что мы все получили возможность общаться с великим человеком. А четверги Иванова были естественным продолжением Миасова.

На Зимней школе по молекулярной биологии, Дубна, 1966 год. Слева направо: Александр Калмансон, Андрей Кузнецов, Андрей Маленков, Валерий Иванов, Максим Франк-Каменецкий, Юрий Чайковский, Владимир Тимофеев, Армен Сарвазян

Интересно, что, как и большинство генетиков своего поколения, Тимофеев так никогда и не поверил в ДНКовую природу гена. Он считал эту теорию проявлением примитивного редукционизма, присущего физикам и химикам, ничего не смыслящим в биологии. Максим хорошо помнит, как, сталкиваясь с Тимофеевым на разных собраниях, он неизменно вместо приветствия слышал насмешливое: «Что, всё еще ДНКакаете?» Разумеется, при всем своем восхищении Тимофеевым Хром совершенно не разделял этой позиции — он был прежде всего физиком и химиком и, конечно, отъявленным

редукционистом. Кстати, о химии. Среди нас, биофизиков, Хром выделялся отменным знанием химии и биохимии. Параллельно с увлечением биофизикой ДНК Хром многие годы очень активно работал в области ферментативного катализа, где сотрудничал с Маратом Карпейским.

Что можно сказать теперь, много лет спустя, когда уже давно нет среди нас bigger than life фигуры Тимофеева-Ресовского, а с недавних пор и нашего дорогого друга Хрома? Хром занимался ДНК до самого конца, да и мы продолжаем делать то же. Впрочем, теперь уже весь свет ДНКакает.

После четвергов

В начале 1970-х четверги у Хрома исчерпали себя. Видимо, и он сам, и другие участники семинара твердо определились со своими научными интересами, и потребность в широком по тематике семинаре отпала. Это, конечно, не означало снижения уровня общения авторов этих строк с Хромом. Скорее наоборот: мы все трое утвердились в своей страсти к ДНК, стали заниматься всерьез биофизикой ДНК. Все эти годы, до самой кончины Хрома, мы постоянно обменивались друг с другом и идеями, и новостями, проводили совместные семинары, школы, чего только не было. Конечно, после того как Эдуард эмигрировал в Израиль в 1976 году, общение между ним и оставшимися за железным занавесом очень затруднилось. Но мы все трое пользовались любой возможностью, чтобы обменяться хотя бы весточкой через этот чертов железный занавес.

Израильско-советский семинар по биомолекулярным структурам, Вейцмановский институт (Реховот, Израиль), декабрь 1989 года. Слева направо: Максим Франк-Каменецкий, Эфраим Кацир (бывший президент Израиля), Александр Спиринов, Ада Йонат (Нобелевская премия по химии за 2009 год), Михаил Волькенштейн, Валерий Иванов, Эдуард Трифонов

Одна из схем была такая. В то время, до эпохи Интернета, практиковалась посылка почтовых открыток с запросом прислать отпечаток опубликованной статьи. Так вот, Эдуард договорился с коллегами из Испании и США, что они будут посылать со своих адресов запросы на статьи Иванова и Франк-Каменецкого, но подписываться не своей фамилией, а фамилией Botsman. Начав получать такие запросы, Максим и Хром очень быстро сообразили, кто скрывается за этой фамилией. Дело в том, что в свое время Эдуард получил прозвище «боцман», после того как достал всех бесконечным повторением старого анекдота, заканчивавшегося словами: «Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие». А теперь получить открытку от Botsman'a было огромной радостью. Наверное, молодому поколению следует пояснить, что Эдуард не мог послать запрос на отпечаток из Израиля — он бы просто никогда не дошел до адресата, пополнив и без того пухлое досье в КГБ на того, кому открытка была адресована. После Шестидневной войны 1967 года, когда лучший друг СССР Гамаль Абдель Насер потерпел сокрушительное поражение, несмотря на то что на его стороне сражались советские летчики и танкисты, Советы так обиделись, что разорвали дипломатические отношения с Израилем и вообще прекратили всякие контакты с еврейским государством.

Сразу же после падения Берлинской стены, этого самого яркого воплощения железного занавеса, в конце 1989 года Эдуард организовал у себя в Вейцмановском институте уникальное мероприятие, которое назвал Первым

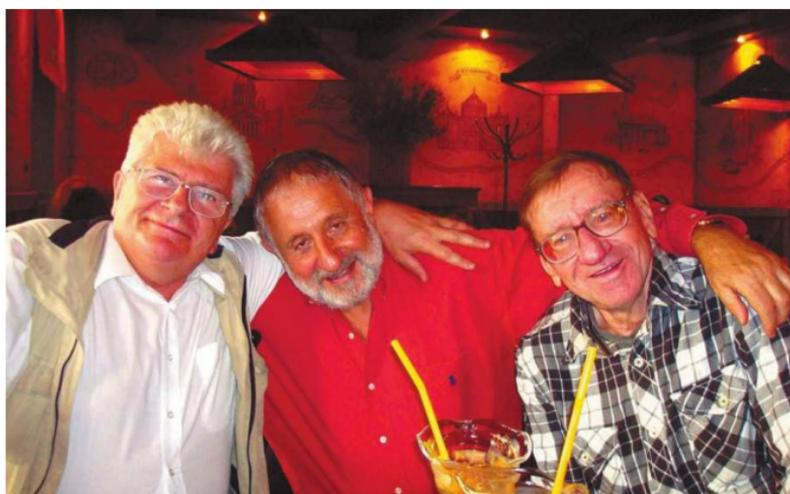
израильско-советским семинаром по молекулярным структурам. Никаких полетов между Москвой и Тель-Авивом тогда еще не было, и советской делегации пришлось лететь в Каир, а оттуда добираться до Реховота на автобусе через Синай. На самом деле наш первый reunion, всех троих, впервые после 1976 года, состоялся годом раньше в Испании, когда Эдуард специально приехал на конференцию, на которой были заявлены доклады и Хрома, и Максима. Он не раз до того приезжал на такие конференции, но каждый раз, за исключением Олбани-1983, заявленные докладчики не появлялись из-за железного занавеса. Но в 1988 году в Испании его ждала удача.

Хром — Mensch

В еврейской среде о достойнейшем человеке редких душевных качеств говорят, что он Mensch (буквально «Человек» на идиш). Таким и был Валера. Когда Люду свалила болезнь («доброкачественная» опухоль мозга), Хром в течение семи лет вплоть до ее кончины самоотверженно сражался вместе с ней. Все беседы с часто посещавшими друзьями проходили у постели больной при ее участии. Это была пара «рука в руке» до конца. И в жизни, и в работе, в радости и в беде.

После смерти Люды Хром побывал в Израиле, у Эдуарда, еще раз, чтобы как-то восстановить силы. Привез с собой няню, которая ухаживала за Людой, в знак благодарности за это. Самого Валеру тоже поразила болезнь мозга. Последние полгода он не мог говорить.

Все эти последние очень тяжелые годы жизни многочисленные друзья Хрома, как в России, так и разбросанные по всему миру, помогали ему (а ранее Люде), чем могли. Особо надо отметить огромную помощь со стороны его верной многолетней сотрудницы Эльвиры Минят и близкого друга Валентина Носкина.

С Валентином Носкиным и Максимом Франк-Каменецким в Москве в октябре 2007 года

В заключение

Большую часть своей жизни и своей научной карьеры Хром провел за железным занавесом. Никогда не вступая в сделку с дьяволом, он смог выехать в настоящую заграницу до Горбачева только однажды, в 1983 году. И сумел извлечь из этой короткой поездки максимум пользы не только для себя и своей группы, но и для всего ДНК-сообщества в СССР. Хотя Хром очень болел за науку в России и в СССР, он совершенно не был патриотом в том извращенном смысле, в котором используется это заезженное слово в современном российском лексиконе. Он чувствовал себя как дома, куда бы судьба его ни забрасывала. Провел несколько лет в Университете штата Алабама и очень хотел получить там позицию. Но этой мечте не суждено было сбыться, очевидно из-за возраста, и он вернулся в Россию, о чем тоже совершенно не жалел. Вообще, Хрому было свойственно необычайно светлое мировосприятие, это было, может быть, основой его огромного человеческого обаяния. В этом он очень схож со своим многолетним шефом по лаборатории в Институте молекулярной биологии Михаилом Владимировичем Волькенштейном, о необычайно светлом мироощущении которого одному из нас уже приходилось писать¹. Неслучайно М. В. и Хром с огромной симпатией относились друг к другу.

Несмотря на железный занавес и жизнь при коммуналках, Хрому удалось в полной мере реализоваться и как ученому, и как педагогу, и как личности. Опыт его жизни показывает, что даже при советской власти можно было оставаться самим собой, никогда не прогибаться и, тем не менее (а в значительной степени благодаря этому), полностью реализоваться в профессиональном плане. Нужно «всего лишь» быть по-настоящему преданным науке, не гоняться за чинами и материальными благами — вот этого у Хрома никогда не было.

Всю жизнь Хром вместе с группой своих единомышленников (куда входили авторы этих строк) фактически строил здание биофизики ДНК в СССР. Он участвовал в организации бесчисленных конференций, школ и семинаров по этой теме в разных уголках страны. В результате этих усилий советское сообщество биофизиков ДНК получило мировое признание еще до падения железного занавеса. Но парадоксальным образом именно сила этого сообщества послужила причиной его стремительного распада после падения занавеса. Все основные участники быстро нашли себе применение на Западе, в основном в США, и сообщество переместилось из бывшего СССР за океан. Мы по-прежнему много общались (и продолжаем общаться) и даже часто сотрудничали (и продолжаем сотрудничать, чему свидетельством данная публикация), но это уже происходит преимущественно вне России и вне бывшего СССР. Это и не хорошо и не плохо — такова реальность.

Но всё же, хотя наука и не знает государственных границ, хотелось бы, чтобы она обитала, в частности, и в России. Работая за рубежом, мы гордились тем, что прошли советскую школу, и нам было больно наблюдать, как деградировала наука в России за последние четверть века. В последние годы вроде бы появилась надежда. Явно увеличилось финансирование, развивается грантовая система. Правительство при президенте Медведеве начало привлекать научную диаспору обратно в страну при помощи программы мегагрантов и проекта Сколково. Какое же наступило разочарование, когда узурпировавший всю власть в стране кагэбэшник спустил все эти начинания в унитаз, ни с того ни с сего решив рассориться со всем миром. В результате полным ходом идет реконструкция железного занавеса под бурные аплодисменты толпы.

Вот и хорошо, скажет молодой патриотически настроенный ученый. Вот и мы будем, как ваш герой, да и вы сами в свое время, авторы этих строк, создавать свое сообщество в изоляции от остального мира. Зачем нам быть маленькими рыбешками в большом пруду? Лучше мы будем большими рыбами в маленьком пруду! Ведь ваш Хром умудрялся и из-за железного занавеса посылать в международные журналы выдающиеся работы, причем не только теоретические, но и экспериментальные: например, его экспериментальная статья 1973 года, опубликованная в специальном биофизическом журнале *Biopolymers*, процитирована более 700 раз. Вот и мы так хотим.

Что ж, ответим мы, флаг вам в руки, молодой человек. Если вы сосредоточитесь на теории, на компьютерных моделях, то вполне можете преуспеть. В эпоху Интернета не имеет значения, где территориально находится теоретик, если, конечно, он не в Северной Корее (а ведь национальный лидер под бурные аплодисменты толпы легко может пойти по стопам столь уважаемого им Ким Чен Ына). Но сильную экспериментальную работу в области биомедицины вряд ли удастся сделать за железным занавесом. За прошедшие с падения занавеса четверть века эксперимент в биомедицине настолько невероятно усложнился и требует такой поддержки со стороны громадной индустрии, обслуживающей биомедицинские исследования, что уже и без занавеса российские экспериментаторы практически не могут соответствовать, если не работают в тесном сотрудничестве с лабораторией на Западе (или на Востоке), а уж при наличии железного занавеса, когда такое сотрудничество станет невозможным, у них никаких шансов не будет. Уж поверьте нам, молодой человек, это действительно так. Нам довелось хорошо посравнить.

Хайфа — Тель-Авив — Яффа, март — апрель 2015 года

¹ Франк-Каменецкий М.Д. Он был счастливым человеком // В сборнике: «Михаил Владимирович Волькенштейн. Воспоминания коллег и учеников. К 100-летию со дня рождения» под редакцией Бирштейн Т. М., Шароновой Н.

А. — М., 2012. С. 70–82. http://macro.ru/img/Volkenshtein_tetrad.pdf

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.

Связанные статьи

[Лето: отдыхать нельзя работать \(01.08.2017\)](#)

[Ушел посол свободной России \(01.08.2017\)](#)

[Дело Дмитрия Богатова \(01.08.2017\)](#)

[Перечитывая Трумена Капоте \(01.08.2017\)](#)

[Всё на свете из пластмассы \(01.08.2017\)](#)

Article printed from Троицкий вариант — Наука: <http://trv-science.ru>

URL to article: <http://trv-science.ru/2015/04/21/chetvergi-s-chesnochkom/>

© «Троицкий вариант — Наука»